

МЕЖДУНАРОДНЫЕ, ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Международные отношения, глобальные
и региональные исследования

INTERNATIONAL, GLOBAL AND REGIONAL PROCESSES

International Relations, Global and Regional Studies

Научная статья

УДК 2-67

[https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2\(12\)-52-65](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2(12)-52-65)

Политические науки

Межрелигиозный диалог: актуальное значение, типология и особенности постсоветского пространства

Роман Николаевич Лункин^{1a}, Сергей Владиславович
Мельник^{2b}

¹ Институт Европы РАН, Москва, Россия

² ИНИОН РАН, Москва, Россия

^a romanlunkinn@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4312-4228>

^b melnik.s.vl@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1491-7624>

Аннотация. Статья содержит размышления авторов о причинах роста роли религиозного фактора в современных международных отношениях, рисках, связанных с политизацией религий. Делается вывод, что религиозное многообразие и одновременно общность базовых ценностей прямо коррелируют с формирующейся многополярностью современного мира. Отмечается, что на фоне кризиса западного либерального порядка и неолиберальной идеологии религия и ее институты стали символами нового фундаментализма, то есть идеологии, которая призывает вернуться к основам веры и своего исконного мировоззрения, культуры. Отмечается возрастание роли религии как института гражданского общества и необходимость сделать этот институт сильнее, встроить в гражданское общество и систему патриотического воспитания. Представлена классификация типов межрелигиозного диалога (полемический, когнитивный, миротворческий, партнерский) и уровней межрелигиозного диалога (высокий, средний, низовой). Определены специфика межрелигиозного диалога на постсоветском пространстве и особенности постсоветской религиозно-политической идентичности, новое отношение политической власти

к институтам веры – стремление встроить их в социальную структуру общества и в социальную политику. Дана краткая характеристика межрелигиозного диалога в СССР и в постсоветский период. Рассматриваются перспективы развития этноконфессиональных отношений на постсоветском пространстве. Даны рекомендации по развитию межрелигиозного диалога на современном этапе.

Ключевые слова: межрелигиозный диалог, религиозные институты, религиозная идентичность, постсоветское пространство, ценности, идентизм

Для цитирования: Лункин Р.Н., Мельник С.В. Межрелигиозный диалог: актуальное значение, типология и особенности постсоветского пространства // Россия и мир: научный диалог. 2024. № 2(12). С. 52-65, [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2\(12\)-52-65](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2(12)-52-65)

Original article

[https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2\(12\)-52-65](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2(12)-52-65)

Political Sciences

Interreligious Dialogue: the Actual Meaning, Typology and Features of the Post-Soviet Space

Roman N. Lunkin^{1a}, Sergey V. Melnik^{2b}

¹ Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

² INION of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

^a romanlunkinn@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4312-4228>

^b melnik.s.vl@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1491-7624>

Abstract. The article presents the authors' thoughts on the reasons for the growing role of the religious factor in modern international relations, and the risks associated with the politicization of religions. It is concluded that religious diversity and at the same time the commonality of basic values directly correlate with the emerging multipolarity of the modern world. It is noted that against the backdrop of the crisis of the Western liberal order and neoliberal ideology, religion and its institutions have become symbols of new fundamentalism, that is, an ideology that calls for a return to the foundations of faith and one's worldview and culture. The growing role of religion as an institution of civil society and the need to make this institution stronger, to integrate it into civil society and into the system of patriotic education are noted. A classification of types of interreligious dialogue (polemical, cognitive, peacemaking, partnership) and levels of interreligious dialogue (high, medium, low) is presented. The specifics of interreligious dialogue in the post-Soviet space and the features of post-Soviet religious and political identity, the new attitude of political authorities to the institutions of faith are determined: the desire to integrate them into the social structure of society and into social policy. A brief description of interreligious dialogue in the USSR and in the post-Soviet period is given. The prospects for the development of ethno-confessional relations in the post-Soviet space are considered. Recommendations are given for the development of interreligious dialogue at the present stage.

Keywords: interreligious dialogue, religious institutions, religious identity, post-Soviet space, values, identity

For citation: Lunkin R.N., Melnik S.V. Interreligious Dialogue: the Actual Meaning, Typology and Features of the Post-Soviet Space. Russia & World: Scientific Dialogue. 2024; 2(12): 52-65, [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2\(12\)-52-65](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2(12)-52-65)

Введение

Религиозные институты играют значимую роль в национальной и международной политике, а к лидерам разных церквей, мусульманских, иудейских, буддистских и иных объединений часто обращаются главы государств. Это связано, прежде всего, с тем, что активно идет поиск новых этических оснований современного миропорядка, этики международных отношений. К вере апеллируют как к мощному источнику мотивации, легитимности, ценностей, идентичности, то есть, как это всегда было в истории, в религии ищут поддержку и оправдание своих интересов, политических запросов, инструментов выхода из того или иного кризиса.

Материалы и методы исследования

Статья подготовлена на основе материалов научных докладов российских ученых, представленных на зарубежной сессии «Межрелигиозный диалог ради мира и сотрудничества», проведенной в рамках VIII международной научно-практической конференции «Россия и мир: диалоги – 2024. Силы притяжения». Организаторами зарубежной сессии в Минске стали Национальный исследовательский институт развития коммуникаций (НИИРК, Россия) и Международное общественное объединение «Христианский образовательный центр им. св. Мефодия и Кирилла».

Авторы статьи использовали методы анализа, синтеза, сравнения, обобщения, исторического анализа.

Вопросы межрелигиозного диалога рассмотрены с позиций системного и институционального подходов.

Материалы и методы исследований подробнее описаны в работах авторов статьи [3–11].

Основные результаты

Религия в многополярном мире: сила веры и ценностей в диалоге цивилизаций (Р.Н.Лункин)

Современный запрос на религиозную этику в международных отношениях и в политике в целом обусловлен объективными причинами. В 2020-е гг. рост влияния религии стал большим контрастом по сравнению с периодом секуляризации, который начался в Новое время и достиг своего пика в конце XX в. В условиях социально-политических и экономических кризисов, формирования новых социальных неравенств [3] в мире к вере стали снова обращаться и за сочувствием, состраданием, и за поддержкой, которая дает мотивацию жить и работать. Религия перестала вос-

приниматься только как источник культуры, традиций и рассуждений о свободе совести, так как оказалась востребована для реализации целей устойчивого развития, корпоративной социальной ответственности, в области экологии и на рынке труда. Религия рассматривается и как регулятор нравственной парадигмы в обществе [1]. Вызовом для религии является то, что она стала также частью политического конструирования, религиозно мотивированного радикализма и экстремизма.

На фоне кризиса западного либерального порядка и упадка неолиберальной идеологии [12], противостоящей традиционным идентичностям, религия и ее институты стали символами нового фундаментализма, то есть идеологии, которая призывает вернуться к основам веры и своего исконного мировоззрения, культуры. Общины верующих – естественные защитники традиционных ценностей, основ общества, даже несмотря на то, что в рамках христианства и других конфессий есть различные течения и понимания традиции – как ультралиберальные, так и ультраправые, радикальные. Противостояние антитрадиционализма и идентизма (идентистов, как часто называют в Европе сторонников суверенных ценностей и традиции) стало ключевым для понимания тех идейных размежеваний, которые с 2010-х гг. стали возникать практически в каждой стране мира. Реакция традиционных сил показала, что монополия либерального порядка невозможна. Религиозное многообразие и при этом общность базовых ценностей прямо коррелирует с формирующейся многополярностью современного мира, в котором каждый дорожит своим суверенитетом, традицией, культурой, фактически каждый субъект воспринимает себя в качестве цивилизации. Одновременно религиозные институты, сообщества, общины формируют вокруг себя атмосферу социальной солидарности, а не разобщения и/или адаптации к неолиберальным требованиям «новой этики».

Острота ситуации состоит также в том, что мир переживает не просто кризис или кризисы, а переход к новому промышленному укладу, цифровизацию и внедрение новых технологий пока с неясными социальными последствиями.

О преимуществах и вызовах религии говорят особенности постсоветской религиозно-политической идентичности. Прежде всего, религия является символом утраченной традиции и хранителем культуры всего общества, верующих и неверующих граждан. При этом для большинства населения следование религиозным предписаниям не является приоритетом. Религия – это инструмент и орудие национальной политики, стремления создать «свой институт», а секьюритизация религии приводит к контролю религиозной деятельности. Как и во всем мире, происходит процесс социализации религии – естественный процесс превращения ее институтов в один из значимых элементов третьего сектора [14], часть гражданского общества, а не «музей». Для государства важно сделать этот ресурс сильнее реально, а не символически, встроить в лояльное гражданское общество и систему патриотического воспитания. Религия также стала частью политического конструирования в «либеральном» идеологическом лагере, символом сохранения идентичности. Цель неолиберальных ценностей – не уничтожить, а переделать религиозную идентичность.

Религиозные ценности и идентичность являются стержнем мировой политики по созданию многополярного мира. Акцент на межрелигиозном диалоге и продвижении традиционных ценностей сделан в Концепции внешней политики Российской Федерации¹, где, в частности, содержится задача по нейтрализации попыток «навязывания псевдогоманистических и иных неолиберальных идеологических установок, приводящих к утрате человечеством традиционных духовно-нравственных ориентиров и моральных принципов...» (IV. 18, 9). Идейное основание религиозной безопасности заложено в «Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»². В 2022 г. Президент Беларуси Александр Лукашенко также посвятил часть Послания белорусскому народу и Национальному собранию в 2022 г. ценностному подходу: «Ценностная устойчивость стала основой для согласия. Нам надо строить государство исходя из наших ментальных традиций. Это фарватер государственного развития. Как только отклонимся от него, примерим на себя чужие лекала – свалимся в бездонную пропасть и оттуда никогда не выберемся. В сегодняшнем изменчивом и искусственном мире оказалось, что мы со своим консервативным и традиционным мышлением находимся в гораздо более устойчивой позиции. Главными столпами ценностного фундамента выступают стремление к миру и единству, национально-государственная идентичность, преемственность и баланс культур, гармоничность этноконфессиональных отношений, почитание семьи как союза мужчины и женщины»³.

Некоторые другие примеры активизации религиозной политики показывают новое отношение властей к институтам веры и стремление встроить их в социальную структуру общества и в социальную политику. К примеру, в Узбекистане Закон о религии 2021 г.⁴, принятый при Ш.Мирзиёеве, смягчил многие нормы. Теперь необходимо 50 человек для регистрации религиозного объединения, которую можно пройти и в электронном виде. Это очень важно для общины, которая не имеет права ничего делать без регистрации. На регистрацию общины теперь не надо получать разрешение махалли, это разрешение дает хокимият на уровне области. В новом законе по-прежнему остался запрет на распространение и хранение любой религиозной литературы, которая не прошла экспертизу в Комитете по делам религий. Комитет по делам религий проводит активную религиозную политику на местах и организует встречи в областях религиозных объединений, представителей силовиков, хокиматов, органов юстиции.

1 Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г. № 229. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/?lang=ru>.

2 Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Утверждены Указом Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/>.

3 Лукашенко А.Г. Послание белорусскому народу и Национальному собранию. 28 января 2022 г. URL: <https://president.gov.by/ru/events/aleksandr-lukashenko-28-yanvary-obra-titsya-s-ezhagodnym-poslaniem-k-belorusskomu-narodu-i-nacionalnomu-sobraniyu>.

4 О свободе совести и религиозных организациях: закон Республики Узбекистан от 05.07.2021 г. № ЗРУ-699. URL: <https://lex.uz/docs/5491541>.

В Казахстане государство активно поддерживает межрелигиозное общение в рамках разного рода встреч лидеров религиозных общин (Всемирного саммита лидеров), выездов в области, приглашений в храмы и мечети на День духовного согласия, саммиты представителей мировых религий и другие события. В каждом акимате в Отделах внутренней политики есть свои специалисты по религиозным объединениям, которые все фактически являются и сотрудниками Комитета национальной безопасности РК (КНБ). При акиматах есть постоянно действующие клубы религиозных лидеров, куда входят, как правило, мусульмане, православные, католики, адвентисты, пятидесятники, баптисты, последователи Ахмадии.

В Армении наибольшим влиянием обладает Армянская апостольская церковь (ААЦ), и именно с этой исторической церковью страны государство и политики выстраивают отношения. ААЦ для общества – это и путь к спасению, и путь к сплочению нации, и любовь к Родине. Характерна деятельность Армянского межцерковного благотворительного «Круглого стола» Всемирного совета церквей⁵. Это помощь общинам и их прогресс в разных сферах – социальной, экологической, духовной. Представители организации советуются в какой-либо деревне со священником, какие есть нужды и проблемы с дорогами или питьевой водой. На гранты Минсоцобеспечения республики (которые даются на развитие местных территорий) и западных фондов организуются инфраструктурные проекты в деревнях и поселках (40% – за счет местных сил, 60% – за счет Межцерковного круглого стола), строятся школы, дороги, проводится водопровод. Во главе проектов обычно стоит местный священник, и для духовенства и других партнеров проекта есть специальная учебная программа, в рамках которой проводятся фокус-группы, где говорится о том, как правильно сделать оценку той или иной проблемы и затем ее решать.

Примером формирования солидарного общества является деятельность митрополита Филарета (Вахрамеева), патриаршего экзарха Беларуси, на протяжении более чем трех десятилетий. В рамках служения митрополита Филарета можно выделить три направления, которые характеризуют его как общественного и религиозного деятеля со стратегическим мышлением и отражают ту роль, которую религиозные деятели играют в современном обществе в разных странах мира. Во-первых, митрополит Филарет был строителем национальной белорусской церкви, уже с 1978 г. он возглавил Минскую и Белорусскую митрополию, затем экзархат. В самый сложный период восстановления церковной жизни он определил основные тенденции ее развития: возвращение утраченного, строительство храмов, налаживание отношений с обществом. Во-вторых, при активном участии митрополита Филарета была создана стратегия государственно-конфессиональных отношений, реальный вклад церковь внесла в разработку Закона о свободе совести и о религиозных объединениях⁶, где была отмечена роль православной церкви и ряда других конфессий в качестве тради-

5 Армянский межцерковный благотворительный «Круглый стол» Всемирного совета церквей. URL: <https://www.roundtable-act.am/>.

6 Закон Республики Беларусь «О свободе совести и религиозных организациях» от 17 декабря 1992 г. № 2054-XII (с изм. и доп.). URL: https://krichev.gov.by/downloads/social/o_svobode.pdf.

ционных и исторически укорененных в республике. Кроме того, в 2003 г. был заключен своего рода «конкордат» церкви и государства, соглашение о сотрудничестве, чего нет, к примеру, во многих государствах постсоветского пространства. В-третьих, чрезвычайно значимым не только для церковного сообщества, но и для страны в целом митрополит Филарет считал межкультурное и межрелигиозное сотрудничество, те коммуникационные связи, которые могут появиться только в ходе общения между народами и религиозными лидерами. С 1981 по 1989 г. митрополит Филарет возглавлял Отдел внешних церковных сношений Русской православной церкви и на излете советской эпохи не только поднимал значимые темы миротворчества, но и принимал участие в форумах, объединяющих широкий круг разных религий и конфессий как в России, так и в Беларуси. Диалог культур и религий играет большую роль для будущего гармоничного развития общества и выстраивания государственной политики.

Межрелигиозный диалог на постсоветском пространстве: опыт, специфика, перспективы развития (С.В.Мельник)

Чем обуславливается и в чем заключается специфика межрелигиозного диалога в странах бывшего СССР и, соответственно, каковы, исходя из этого, могут быть перспективы развития этноконфессиональных отношений в нашем регионе?

Во-первых, это вопрос о формах межрелигиозных отношений. Межрелигиозный диалог является очень сложным, многоаспектным феноменом. Существуют его разные стратегии [2]. Нами разработана классификация межрелигиозного диалога [9], в соответствии с которой предлагается различать четыре основных типа диалога: «полемический», «когнитивный», «миротворческий» и «партнерский». С этими типами диалога можно условно сопоставить центральные вопросы, вокруг которых выстраиваются отношения: «кто прав?» (споры об истинности и превосходстве религий), «кто ты?» (изучение другого), «как нам мирно жить вместе?» (забота об укреплении гармоничных отношений, разрешение конфликтов) и «что мы можем сделать для улучшения мира?» (совместная деятельность в сферах, представляющих общий интерес). В каждом из указанных типов диалога можно выделить разные виды. Но все существующие формы межрелигиозного диалога можно отнести к одному из перечисленных типов.

В контексте полемического и когнитивного типов диалога речь идет о сравнении религий как мировоззренческих систем. В миротворческом же и партнерском типах диалога мы уже говорим о взаимодействии религий как социальных институтов, об обеспечении их гармоничного сосуществования и совместной деятельности. То есть здесь мы видим разную логику понимания межрелигиозного диалога – либо как сопоставления представлений разных религий (богословских, аксиологических, связанных с религиозным опытом и духовной практикой и проч. в рамках полемического и когнитивного диалога), либо как инструмента поддержания мира и согласия между верующими людьми, носителями разных религиозных мировоззрений (ми-

ротворческий и партнерский диалог). Наиболее распространенное, магистральное направление развития межрелигиозного диалога, в котором участвуют официальные представители религиозных организаций, выражается во втором из указанных аспектов, то есть в миротворческом и партнерском типах диалога.

Во-вторых, это опыт реализации межрелигиозного диалога в СССР. Говоря о межрелигиозном диалоге, полезно выделять три уровня, на которых он может реализовываться: «высокий» (религиозные лидеры [13], официальные представители религиозных общин высокого уровня), «средний» (ученые, эксперты) и «низовой» (рядовые верующие, молодежь, инициативы активистов). Как известно, в Советском Союзе господствовала атеистическая идеология. Деятельность религиозных организаций подвергалась контролю, а религиозные общины находились фактически в состоянии выживания. В этой связи о каком-то системном, активном межрелигиозном диалоге «на низовом» уровне говорить вовсе не приходится.

То же самое можно сказать и о «среднем уровне» ученых. Если на Западе в течение XX в. межрелигиозный диалог развивался свободно, а различные связанные с ним проблемы получили разностороннее и глубокое осмысление, то мы были как бы в стороне от этого процесса, исключены из него. То есть исследованию проблем диалога религий – теологическому, религиоведческому, философскому, культурологическому – внимания в Советском Союзе почти не уделялось.

Единственная область, в которой межрелигиозный диалог относительно интенсивно осуществлялся в СССР, – это высокий уровень религиозных лидеров. В Советском Союзе был проведен ряд крупных, в том числе международных, межрелигиозных форумов. Деятельность религиозных общин координировалась и контролировалась государством, то же самое, очевидно, относится и к межрелигиозным контактам. Межрелигиозные форумы рассматривались как часть политики Советского Союза, борьбы за мир и всеобщее разоружение.

Первая встреча, в которой приняли участие как христианские лидеры, так и представители других религий СССР, состоялась 27–29 ноября 1951 г. в рамках Третьей Всесоюзной конференции сторонников мира. 9–12 мая 1952 г. в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре прошла первая в Советском Союзе межрелигиозная конференция. Вторая межрелигиозная конференция в СССР по теме «За сотрудничество и мир между народами» состоялась в Троице-Сергиевой Лавре с 1 по 4 июля 1969 г. В мероприятии приняли участие 175 делегатов, среди которых были представители мусульман из зарубежных государств – Сирии, Марокко, Иордании, Югославии, Гайаны и Сенегала. В официальном приветствии председателя Совета министров СССР А.Косыгина говорилось: «Советское правительство неуклонно и последовательно проводит политику мира и дружбы между народами, неустанно стремится предотвратить угрозу новой мировой войны и высоко ценит любые усилия, в том числе и религиозных организаций, в достижении этой цели». В приветствии отражена позиция государства по отношению к подобным межрелигиозным мероприятиям, которое фактически стремилось использовать «религиозный фактор» для достижения целей своей внешней и внутренней политики.

В 1977 и в 1982 гг. в Москве были проведены два крупных межрелигиозных международных форума, которые можно рассматривать как два наиболее заметных, масштабных события в области межрелигиозного диалога в СССР.

6–10 июня 1977 г. в Москве прошла Всемирная конференция «Религиозные деятели за прочный мир, разоружение и справедливые отношения между народами» (1997). 10–14 мая 1982 г. состоялся крупнейший в истории СССР межрелигиозный саммит: Московская Всемирная конференция «Религиозные деятели за спасение священного дара – жизни от ядерной катастрофы» (1982). В мероприятии приняли участие 590 делегатов из 90 стран.

С 1970-х гг. заметно развитие межрелигиозного диалога в рамках двух отдельных направлений – это когнитивный диалог (в центре находится познание других религий, диалогу как изучению, способу «взаимообогащения», личностного и духовного роста уделяла большое внимание католическая церковь) и миротворческий диалог. Межрелигиозные саммиты в СССР целиком относились ко второму направлению, ни о каком богословском осмыслении соотношения разных религий речи не шло, напротив, участники подчеркивали, что они вообще не затрагивают в ходе собеседований доктринальную проблематику. В итоговом заявлении конференции 1982 г. сказано: «Мы не стремимся к слиянию наших мировоззрений. Наши точки зрения на реальность остаются отличными друг от друга. Мы бескомпромиссно придерживаемся наших различных религиозных убеждений. Несмотря на эти различия, мы можем совместно утверждать то многое, что дорого всем нам»⁷. В среде последователей православия и других традиционных религий имеют место представление о неприкосновенности сакральной сферы, тенденция к ее ограждению, отторжение попыток к вторжению извне. Следует отметить, что подобные концептуальные основания межрелигиозного диалога – отказ от обсуждения догматической проблематики и сотрудничество в деле укрепления мира и других социальных сферах, представляющих общий интерес, – актуальны и для организации межрелигиозного диалога на официальном уровне и в современной России.

Примером в этой области может служить деятельность Межрелигиозного совета России, который объединяет глав четырех традиционных религий РФ: православия, ислама, иудаизма и буддизма. Наиболее заметным межрелигиозным международным проектом, который действует на регулярной основе, является Съезд лидеров мировых и традиционных религий в Казахстане, который проводится с 2003 г. На Съезде обсуждается лишь социальная повестка, главным образом миротворчество, а также тот возможный позитивный вклад, который религии могут внести в общественное благополучие (экология, экономическое равенство, справедливость и проч.).

⁷ Религиозные деятели за спасение священного дара жизни от ядерной катастрофы. Всемирная конференция. М.: Московская Патриархия, 1983. С. 7.

Обсуждение результатов

Исходя из рассмотренного опыта и специфики реализации межрелигиозного диалога, можно выделить несколько перспективных направлений развития отношений в соответствии с каждым из уровней диалога: 1) «высоким», 2) «средним», 3) «низовым».

1. Одним из конкретных предложений, рекомендаций является идея проведения встречи религиозных лидеров Евразийского региона. Это мероприятие могло бы внести вклад в «культурное» измерение евразийской интеграции.

После распада СССР народы стран, входивших в его состав, по большей части, наверное, отдаляются друг от друга, вырастают новые поколения, которые мало что знают об общем историко-культурном прошлом и все меньше чувствуют какую-либо общность со своими соседями, русский язык забывается. В этом контексте сам факт встречи религиозных лидеров евразийского региона, обсуждение ими общих проблем, трансляция этой «картинки» в СМИ имели бы важное символическое значение. Пример добрососедства и уважительных отношений, солидарности, единства, несомненно, был бы важен для людей верующих, каковыми сегодня являются многие граждане стран постсоветского пространства.

Таким образом, описанная выше встреча религиозных лидеров региона при относительно небольших ресурсных затратах могла бы способствовать интеграции государств и народов Евразии на духовно-религиозной основе.

2. На экспертном / концептуальном уровне актуальной задачей является разработка конфессиональных или межрелигиозных богословских документов. Документы должны носить богословский характер, предлагать концепцию, разъясняющую то, почему верующие должны жить в мире и уважать друг друга. Особое внимание может уделяться теме традиционных нравственных и духовных ценностей (в контексте «секулярно-либерального стандарта» и «религиозно-традиционалистской системы ценностей»). Это отдельная и очень обширная тема, которая требует много внимания. Отметим лишь, что если у Римско-католической церкви имеется более десятка документов по тематике межрелигиозных отношений, то у Русской православной церкви нет ни одного официального документа по этой проблематике, которая имеет несомненную социальную значимость. В России последние годы активно развиваются теологическое образование и наука, здесь есть много пространства для исследований, оригинальных идей и творческих подходов.

3. Последние примерно десять лет в России развиваются межрелигиозные мероприятия на «низовом» уровне, главным образом среди молодежи. В качестве примера можно привести ежегодный Межрелигиозный международный молодежный форум, который проводится в Дагестане с 2013 г., или поддерживаемый Правительством Москвы проект «Диалог религий», в рамках которого проходят шахматные, футбольные, волейбольные турниры между представителями разных религий. Вместе с тем у нас почти свободна ниша реализации конкретной совместной практической

деятельности верующих разных религий различных групп населения (молодежь, женские межрелигиозные организации и проч.) в области помощи нуждающимся, экологии, разнообразных общественно полезных инициатив.

Выводы

Роль разных церквей и конфессий на постсоветском пространстве, в Африке, Латинской Америке, Индии, Юго-Восточной Азии, а также в Евразии показывает потенциал участия религиозных институтов в накоплении и донорстве позитивного социального капитала, состоящего из солидарности, созидания ценностей, формирования идентичности и самобытности. Религия в социальном контексте – это прежде всего сплоченность вокруг общины и священных идеалов, ценностная мотивация (справедливость, милосердие, ценность человека), доверие на разных уровнях взаимодействия граждан и институтов – общественная консолидация.

Религиозные объединения, как институты гражданского общества, являются ключевыми участниками выстраивания отношений между странами, регионами мира. В особенности это проявилось в ходе последнего мирового кризиса, запущенного украинским конфликтом. Религия соответствует многополярной структуре современного мира, для современных верующих, как правило, нет границ, поэтому нет проблемы взаимодействия между цивилизациями, нет почвы для дискриминации по поводу того, кто разделяет «неолиберальные» ценности, а кто нет, кто подходит под «западные стандарты», а кто им не соответствует, а значит, является «отстающим», кто является полноценной цивилизацией, а кто нет. Хотя далеко не все религиозные лидеры разделяют столь широкое понимание равноправия цивилизаций, но именно в рамках религиозной сферы формируются ценности солидарности, идентичности и разнообразия, пространство которых только сужается в других сферах жизни современного постиндустриального общества.

Список источников

1. Комлева В.В. Религиозные институты как регуляторы нравственной парадигмы в геополитике [Religious institutions as regulators of the moral paradigm in geopolitics] // Миссия конфессий. 2017. № 24. С. 8–12. EDN ZRQMBD.
2. Кондраков З. Стратегии межрелигиозного диалога [Strategies of interreligious dialogue] // Вестник Оренбургской духовной семинарии. 2022. № 2(23). С. 171–185. EDN DICLST.
3. Лункин Р.Н. Социальное неравенство в современном обществе риска [Social inequality in modern risk society] // Современная Европа. 2023. № 7(121). С. 176–191. DOI: 10.31857/S0201708323070148. EDN RWWTHD.
4. Лункин Р.Н. Религия и европейский популизм: христианский фактор в политических дискуссиях [Religion and European populism: the Christian factor in political discussions] // Современная Европа. 2018. № 1(80). С. 102–113.
5. Лункин Р.Н. Социально-политические последствия пандемии для Русской православной церкви: раскрытие внутреннего потенциала гражданской активности и социального служения [Socio-political consequences of the pandemic for the Russian Orthodox Church: unlocking the internal potential of civic engagement and social service] // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22. № 4. С. 547–558.

6. Лункин Р.Н., Филатов С.Б. Международные отношения и война антитрадиционализма с идентитетом [International relations and the war of anti-traditionalism with identity] // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 4. С. 5–14.
7. Лункин Р.Н., Филатов С.Б. Межконфессиональные различия в Европе и новые идеологические противостояния [Interfaith differences in Europe and new ideological confrontations] // Современная Европа. 2018. № 3(82). С. 102–114.
8. Мельник С. Классификации типов межрелигиозного диалога: анализ существующих подходов [Classifications of types of interreligious dialogue: analysis of existing approaches] // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2018. Т. 36. № 4. С. 87–118. DOI: 10.22394/2073-7203-2018-36-4-87-118. EDN YVFMCD.
9. Мельник С.В. Классификация форм межрелигиозного диалога [Classification of forms of interreligious dialogue]. НИР: грант № 18-311-00337. М.: Российский фонд фундаментальных исследований, 2018. EDN FMPTRV.
10. Мельник С.В. Когнитивный межрелигиозный диалог: задачи, принципы, формы реализации [Cognitive interreligious dialogue: objectives, principles, forms of implementation] // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2019. Т. 20. № 2. С. 209–227.
11. Мельник С.В. Теология и межрелигиозный диалог: от полемики к сотрудничеству [Theology and interreligious dialogue: from polemics to cooperation] // Вопросы теологии. 2019. Т. 1. № 3. С. 307–333.
12. Религия и либерализм [Religion and liberalism] / Под ред. А.Бодрова и М.Толстолуженко (Серия «Современное богословие»). М.: Издательство ББИ, 2022. 221 с. ISBN 978-5-89647-405-0.
13. Токсанбаев А. Мировые религиозные лидеры и межкультурный диалог в XX – начале XXI века [World religious leaders and intercultural dialogue in the 20th – early 21st centuries]: Дисс. ... канд. филос. наук: 5.7.9. СПб., 2023. 368 с. EDN TRLSGC.
14. «Третий сектор» в мире: модели гражданской активности в XX – XXI вв. [“Third sector” in the world: models of civic activity in the 20th – 21st centuries] / В.А.Аватков, Е.С.Алексеенкова, Н.А.Борисов [и др.]. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2021. 452 с. ISBN 978-5-7281-3048-2. EDN UQAJYA.

Информация об авторах

ЛУНКИН Роман Николаевич. Доктор политических наук. Профессор РАН. Заместитель директора Института Европы Российской академии наук. Главный редактор журнала «Современная Европа». <https://orcid.org/0000-0002-4312-4228>. Адрес: Российская Федерация, 125009, г. Москва, ул. Моховая, 11-3. romanlunkinn@yandex.ru

МЕЛЬНИК Сергей Владиславович. Доктор философских наук. Старший научный сотрудник, заведующий отделом философии Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук. Доцент общецерковной аспирантуры и докторантуры, старший научный сотрудник Центра межрелигиозного диалога Болгарской исламской академии. <https://orcid.org/0000-0002-1491-7624>. Адрес: Российская Федерация, 117418, г. Москва, Нахимовский проспект, 51/21. melnik.s.vl@yandex.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 20 апреля 2024 г. Одобрена после рецензирования: 22 апреля 2024 г. Принята к публикации: 25 апреля 2024 г. Опубликована: 15 мая 2024 г.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Komleva V.V. Religious institutions as regulators of the moral paradigm in geopolitics. *Missiya konfessij* [Mission of confessions]. 2017; 24:8-12 [In English]. EDN ZRQMBD.
2. Kondrakov Z. Strategies of interreligious dialogue. *Vestnik Orenburgskoj duxovnoj seminarii* [Bulletin of the Orenburg Theological Seminary]. 2022; 2(23):171-185 [In Russian]. EDN DICLST.
3. Lunkin R.N. Social inequality in modern risk society. *Sovremennaya Evropa* [Modern Europe]. 2023; 7(121):176-191 [In Russian]. DOI 10.31857/S0201708323070148. EDN RWVTHD.
4. Lunkin R.N. Religion and European populism: the Christian factor in political discussions. *Sovremennaya Evropa* [Modern Europe]. 2018; 1 (80):102-113 [In Russian].
5. Lunkin R.N. Socio-political consequences of the pandemic for the Russian Orthodox Church: unlocking the internal potential of civic engagement and social service. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia]. Series: Political science. 2020; 22 (4):547-558 [In Russian].
6. Lunkin R.N., Filatov S.B. International relations and the war of anti-traditionalism with identity. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodny'e otnosheniya* [World economy and international relations]. 2020; 64 (4):5-14 [In Russian].
7. Lunkin R.N., Filatov S.B. Interfaith differences in Europe and new ideological confrontations. *Sovremennaya Evropa* [Modern Europe]. 2018; 3 (82):102-114 [In Russian].
8. Melnik S. Classifications of types of interreligious dialogue: analysis of existing approaches. *Gosudarstvo, religiya, Cerkov' v Rossii i za rubezhom* [State, religion, Church in Russia and abroad]. 2018; 36 (4): 87-118 [In Russian]. DOI 10.22394/2073-7203-2018-36-4-87-118. EDN YVFMCD.
9. Melnik S.V. Classification of forms of interreligious dialogue. Research work: grant № 18-311-00337. M.: Russian Foundation for Basic Research, 2018 [In Russian]. EDN FMPTRV.
10. Melnik S.V. Cognitive interreligious dialogue: objectives, principles, forms of implementation. *Vestnik Russkoj xristianskoj gumanitarnoj akademii*. [Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy]. 2019; 20 (2):209-227 [In Russian].
11. Melnik S.V. Theology and interreligious dialogue: from polemics to cooperation. *Voprosy teologii* [Questions of theology]. 2019; 1 (3):307-333 [In Russian].
12. Religion and liberalism / Ed. A. Bodrova and M. Tolstoluzhenko (Series "Modern Theology"). Moscow: BBI Publishing House, 2022:221 [In Russian]. ISBN 978-5-89647-405-0
13. Toksanbaev A. World religious leaders and intercultural dialogue in the 20th – early 21st centuries: dissertation... CandSc (Philos.): 5.7.9. St. Petersburg, 2023:368 [In Russian]. EDN TRLSGC.
14. "Third sector" in the world: models of civic activity in the 20th – 21st centuries / V.A. Avatkov, E.S. Alekseenkova, N.A. Borisov [and others]. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2021:452 [In Russian]. ISBN 978-5-7281-3048-2. EDN UQAJYA.

About the authors

Roman N. LUNKIN. DSc.(Polit.). Professor of the Russian Academy of Sciences. Deputy Director of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences. Editor-in-chief of the magazine "Modern Europe". <https://orcid.org/0000-0002-4312-4228>. Address: 11-3, Mokhovaya str., Moscow, 125009, Russian Federation. romanlunkinn@yandex.ru

Sergey V. MELNIK. DSc.(Philos.). Senior Researcher, Head of the Philosophy Department of the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences. Associate Professor of the General Church Postgraduate and doctoral studies, senior researcher at the Center for Interreligious Dialogue of the Bulgarian Islamic Academy. <https://orcid.org/0000-0002-1491-7624>. Address: 51/21, Nakhimovskiy Prospekt, Moscow, 117418, Russian Federation. melnik.s.vl@yandex.ru

Contribution of the authors

The authors declare no conflicts of interests.

Article info

Received: April 20, 2024. Approved after peer review: April 22, 2024. Accepted for publication: April 25, 2024. Published: May 15, 2024.

The authors have read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.